

УДК 811.161.1

О.И. Блинова

**«СЛОВАРЬ ФИТОНИМОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ»
КАК ИСТОЧНИК ДИАЛЕКТНОЙ МОТИВОЛОГИИ***

Статья посвящена источниковедческому исследованию возможностей использования «Словаря фитонимов Среднего Приобья» для нужд диалектной мотивологии. Рассматриваются информативные возможности словаря для решения задач описательного, функционального и лексикографического аспектов мотивологии.

Источниковедческий аспект той или иной научной дисциплины обеспечивает широту и глубину исследования, его комплексность и большую степень достоверности. Особую актуальность он приобретает для изучения «молодых», формирующихся дисциплин, к которым принадлежит диалектная мотивология, насчитывающая немногим более трех десятилетий своего существования [1. С. 115–155].

Выбор «Словаря фитонимов Среднего Приобья» [2] предопределён его уникально богатой фактической базой: первый и второй тома словаря (отрезок А–Т) включают 3 340 наименований растений, проиллюстрированных огромным количеством контекстов (словарная картотека составляет 40 000 карточек), представляющих записи (преимущественно на магнитную ленту) разговорной речи сибирских старожилов региона Среднего Приобья, собранные в полевых условиях во второй половине XX – начале XXI в. Это – во-первых.

Во-вторых, иллюстративные данные словаря не вошли ни в один из 38 томов и выпусков серии среднеобских лексикографических изданий [3. С. 7–8], являя собой новый источниковый материал.

В-третьих, новым является и жанр словаря, представляющего собой полное описание обширной тематической группы – лексики сибирской флоры, одной из древнейших в словарном составе русского языка, тесно связанной с человеком, с разными сторонами его деятельности – бытовой, хозяйственной, промысловой, обрядовой и т.п., включая познавательную деятельность, на что обращено внимание рецензента словаря Г.В. Калиткиной: «Мир флоры, – пишет она, – в традиционной культуре связан со всеми сторонами действительности. Он вплетён в хозяйственную и трудовую деятельность – земледелие и скотоводство (злаки, огородные и полевые культуры, сенокосы), лесные и речные, озёрные промыслы (древесина, орехи и ягоды, водные растения) <...> Мир растений пересекается с народной магией и демонологией» [4. С. 129–130].

Всё это создаёт предпосылки для закрепления итогов познавательной деятельности крестьян в слове, слове мотивированном, заключающем в себе номинационный признак, который отражает всё разнообразие характеристик

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Лексикографическая параметризация сибирского говора. Мотивационный словарь (Т. 1–3)», проект № 07-04-00051а».

разнотравья, – лугового и лесного, болотного и озерного, цветочных растений – диких и домашних, деревьев и кустарников.

Анализ информативных возможностей словарей связан обычно с учётом всего лексикографического пространства словарной статьи, со всеми её зонами. В «Словаре фитонимов Среднего Приобья» (далее – СФ) структура словарной статьи включает четыре зоны: 1) заголовочную, которая «выполняет роль семантического идентификатора фитонимов» [2. С. 5], для чего используются научные и латинские наименования растений, например: **Акация жёлтая (караганник обыкновенный). *Caragana alvorescens* Lam.**; 2) наименования фитонимов или фитонима, употребляющиеся в регионе Среднего Приобья в речи селян, например: **акация, волжаник, гороховник, орешник, свистульки**; 3) толкования фитонимов, которые в силу специфики лексикографируемого материала имеют развёрнутый, энциклопедический характер, например: [Акация] кустарник семейства бобовых с серо-бурой корой, супротивными перистыми листьями, жёлтыми цветками, собранными в пучок [2. С. 19]; 4) иллюстративную, содержащую контексты употребления фитонимов в речи диалектоносителей; количество контекстов исчисляется от двух-трёх до нескольких десятков, в зависимости от имеющегося корпуса записей, от числа дублетных наименований растений и т.д.

Особый исследовательский интерес для источниковедческого анализа представляют данные второй и четвёртой зон: наименования фитонимов и их реализация в речи посредством двух типов высказываний – текстов, воплощающих обыденное языковое сознание носителей среднеобского диалекта (мышление на языке), и метатекстов, отражающих обыденное метаязыковое сознание селян (мышление о языке) [5. С. 3–15; 6].

Под текстом понимается «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [7. С. 507]. Метатекст как разновидность текста – «это материализованное в высказывании суждение говорящего о своём языке, зафиксированное в графической, аудио- или видеозаписи» [6. С. 55]. Следует иметь в виду, что метатексты в лексикографических источниках в разных зонах словарной статьи фиксируют разные типы метаязыкового сознания: теоретически систематизированного и обыденного [6. С. 46], т.е. метатексты, отражающие интерпретацию лексических единиц говора лексикографом, и метатексты, передающие интерпретацию слов диалектоносителем. Метатексты лексикографа содержатся во второй и третьей частях словарной статьи СФ, а метатексты носителя диалекта, наряду с текстами, – в четвёртой, иллюстративной, части словарной статьи.

Метатексты лексикографа (МЛ) и метатексты диалектоносителя (МД) отличаются не только сферой размещения в рамках словарной статьи, но и средствами своего выражения: МЛ характеризуется всеми признаками научного стиля, МД – совокупностью признаков диалектной речи. Кроме того, МД имеет значительный набор средств своего выражения, детально разработанных и перечисленных с опорой на конкретные высказывания носителей диалекта в монографии А.Н Ростовской [6. С. 56–75], где обращено внимание на жанрово-композиционные особенности МД (тематическая приуроченность, структурно-композиционные особенности), на отражение когнитив-

ной и коммуникативной стратегии говорящего (корректировка кода, ситуация пояснения, уточнения, самокоррекция) и многое другое. Это позволило более обоснованно идентифицировать МД, отграничивая их от текстов, хотя, на что обращает внимание ряд исследователей, граница между МД и диалектным текстом бывает зыбкой и недостаточно определённой, особенно в тех случаях, когда в тексте/метатексте называется признак обозначаемой реалии, например: *Кудрявец растёт, он жёлтым цветёт, и листики кудрявые, где лопух[u] растут, там и кудрявец.*

А вот свидетельство собирателя фитонимов и составителя словаря: «Особенность выявления в говорах лексикографируемых единиц <...> определила характер собранных материалов. Значительная часть их является метатекстами, рассказами информантов о предметах растительного мира в ответ на вопросы собирателей «Что растёт в вашей местности?», «Как выглядит это растение?», «Как называются эти растения?» (при сборе гербария), «Почему так называются?» [2. С. 7]. Последний вопрос ориентировал информантов на осмысление мотивировки фитонимов и отражение этого осмысления в метатекстах, нередко лишённых таких ярких примет, как вкрапления в контекст вводных слов и конструкций типа «по-нашему», «по-простому», «по-культурному», «в простонародье», «теперь – раньше», «правильно», «по-врачебному» и под. [6. С. 59], обусловив бóльшую частотность вкраплений «потому так и говорили», «потому так и назвали» и под. (*Дедовником прозвали за то, что он имеет такие большие, темные, зелёные листки, которые кабы сморщены. Поэтому он схож на деда* [2. Т. 1. С. 31]). *Это растёт край речки прыгун, или недотрога. До неё только дотронешься, и цветочки как выпрыгивают и отскакивают, и всё. Плод раскрывается, закручивается, и семена раскидываются в разные стороны. Вот и «прыгун» тебе, девка* [2. Т. 1. С. 26].

Специфика сбора флористического материала поставила слово, наименование фитонимов в центр общения собирателя и носителя диалекта, приковав внимание селян к истокам слова – его мотивированности, к его вариантности, дублетности и различным функциональным характеристикам (старое – новое, общеупотребительное – специальное и т.д.), что и сделало словарь столь привлекательным источником для диалектной мотивологии с её основными научными понятиями – мотивированность, мотивационные отношения, внутренняя форма слова, с её аспектами – описательным, функциональным, лексикографическим и др. [8].

Итак, каковы информативные возможности СФ как источника диалектной мотивологии? Сразу следует оговориться, что в статье представлены результаты анализа по трём аспектам: описательному, функциональному и лексикографическому (подробнее см.: [8]), которые рассмотрены как разрозненно, так и в комплексе с учётом типа контекста: текст – метатекст.

1. СФ значительно пополнил корпус языковых единиц, составляющих фактическую базу диалектной мотивологии прежде всего в тематической группе флоры, одной из самых сложных для сбора. Общее количество слов и словосочетаний двухтомника равно 3 340. В их числе слова полностью мотивированные, обладающие и лексической и структурной мотивированностью (БОР/ОВИК, ВОЛН/УШКА, ГОРЦВЕТ, МЫШЕРП/КА, ДОЖД/Е-

ВИК¹), полумотивированные, характеризующиеся одним из видов мотивированности (бегонИЯ, брюКВА, жевИКА, осИНА, донНИК), и немотивированные лексические единицы, вступающие в мотивационные отношения (*бор, волна, гореть, дождь, дым*).

2. **Мотивированность фитонимов** в преобладающем большинстве случаев **интерпретируется** в текстах и метатекстах носителей диалекта: *Есть ещё такой гриб дождевик, маленький растёт такой, как словно на полу валяется... После дождя он появляется* [СФ. Т. 1. С. 76]. *А есть грибы, как мячики, по назьмам растут, в серёдке как вата. Мячик и мячик, высохнет, как пыль. Мы их мячик звали* [СФ. Т. 1. С. 77].

3. Благодаря многочисленным текстам и метатекстам данные словаря позволяют не только вычленить **внутреннюю форму слова** (ВФС), под которой понимается морфо-семантическая структура слова, выражающая его мотивированность, но и **вид** ВФС слова: является ли она **живой** или **мёртвой**, **образной** или **необразной**, **лексикализованной** или **нелексикализованной**, **вариантной** или **невариантной**.

Так, вышеприведённые МД свидетельствуют о том, что ВФС *кудрявец, прыгун, недотрога*, а также *львиный зев, бархотка, маслёнок, рыжик* и многих других является живой, осознаваемой носителями диалекта, о чём информируют контексты типа: *Есть тако растение, мы их недотрогами звали. Когда они отцветут, там таки коробочки. Если их тронешь, то они как бы взрываются, а оттудова семянки вылетают* [СФ. Т. 1. С. 26].

Об образной ВФС свидетельствуют те метатексты, в которых номинационный признак названия выражен метафорически – посредством собственно образного слова, языковой метафоры, сравнительного оборота, творительного подобия и т.п. Например, фитоним *дождевик* (вид гриба), характеризующийся не образной ВФ, поскольку его номинационный признак – растущий после дождя – выражен непосредственно, не метафорически (*Есть ещё такой гриб дождевик... После дождя он появляется* [СФ. Т. 1. С. 76]), в других, дублетных, номинациях – *дымок (дымовик), пыхалка, мячик, дедушкин табак* – обладает образной ВФ: *Из грибов я знаю пыхалку. На шарик похож. <...> Наступишь на него, а он как пыхнет... [СФ. Т. 1. С. 77]. Дымовик, или дедушкин табак его [называют], дождевик... А дымовик, когда перерастёт, у него как дым* [СФ. Т. 1. С. 76]. Развёрнутая метафора обнаруживает образную ВФ у фитонима *лягушка* (бегония). *Лягушка – это на окнах растёт. И правда похожа на лягушку. Цветы розовые такие. Красивый листик такой, продолговатый. Как лягушечка сидит, как крылушки таки, носик вроде* [СФ. Т. 1. С. 30].

На страницах словаря много текстов с интерпретацией ВФ фитонимов как образной: у *аистника* – цветы похожи на клюв аиста (второе его название – *клювики*), у *плаксуна* – капельки, как слёзы, перед дождём, у *золотопенки* – ярко-жёлтые, как золото, листья; широкий спектр ассоциаций у бегонии королевской – *ангеловы крылышки, заячьи ушки, свиное ухо* и т.д.

¹ Прописными буквами выделены значимые, мотивированные сегменты слова, которые отделены косой вертикальной чертой или строчной буквой; строчными буквами – незначимые, немотивированные.

Метатексты – источник информации о вариантной ВФС. Вариантной она является у фитонимов: *бархотка* – за счёт варьирования мотивационного значения ('растение <с> бархатистыми <листьями>' и 'растение <с листьями как> бархат'¹, *дурман* – за счёт варьирования мотивационной формы и мотивационного значения (ДУРМАН 'растение, которое> дурманит' и ДУРМАН 'растение, <от которого> дуреют': «*Дурман, трава есть такая. Но она под вид этой же белены. Её как наедятся – дуреют*». «*Если съест коробочку от дурмана, то дурманит голову*» [СФ. Т. 1. С. 79].

Таким же информативным источником служат метатексты для определения лексикализованной ВФС. Наблюдается это в тех случаях, когда носитель языка или диалекта выделяет значимый сегмент в слове, но не может его объяснить. Например, наименование комнатного растения аукубы японской (золотое дерево) с блестящими листьями и ярко-жёлтыми крапинками на них – *золотопенки* – диалектоноситель не объясняет: «*Говорят, это [растение] золотопенка зовут, а почто, не знаю*» [СФ. Т. 1. С. 24]. Ещё аналогичный пример с лексикализованной ВФС *лягушка* 'бегония': *Лягушка тоже есь, ага, зима-лето зовут и лягушка её. Зима-лето и лягушка, тоже таким красеньким светёт. Водяниста она кака-то. Я не знаю, почто лягушка зовут* [СФ. Т. 1. С. 30].

Очевидно, лексикализованной является и ВФ слова *серпуха*, обозначающего растение с ребристым стеблем, подобно режущей стороне серпа: ассоциация такая возможна, но не подтверждена в метатекстах словарной статьи.

4. Словарь содержит данные для изучения функционального аспекта диалектной мотивологии, иллюстрируя роль мотивационно связанных слов и ВФС.

Ярко представлена на страницах словаря текстоформирующая функция: *Облепиха есть. У ей тоже ягода вокруг стебелька наклепена как-то <...> Она частая, там такие ягодки вокруг стебелька наклепены, по четыре, по три кучки. Наклепено много <...> Варенье варят, конечно, лекарство делают из облепихи. Из ягоды и из этих... из семечек. Из семечек облепиховых. Там семечки есть, и вот их жмут, там масло облепиховое. Тоже для раны хорошо, для желудков очень хорошо* [СФ. Т. 1. С. 60];

метаязыковая: *Есть ромашки, башмачок, это цветок в виде башмачка. Башмачок в лесу, на лесных полянах встречается. Цветок круглый, очень тёмно-красный, слегка фиолетовый. Он свисает, похож на башмачок* [СФ. Т. 1. С. 28]. *Мухомор это гриб. А почему он так называется? От него мухи так дохнут! Только завези домой да сахарку посыть чуть-чуть. У-у!* [СФ. Т. 1. С. 54];

информативная: *Зимолет. Он зимой и летом цветёт, у его цветочки маленькие* [СФ. Т. 1. С. 30]. *Чернотал есть, он как тальник, только корка чёрная* [СФ. Т. 1. С. 99]. *Девятисил, у него прямой стебель, цветки жёлтые <...> Называют так, наверно, потому, что девятью силами обладает или от девяти болезней помогает* [СФ. Т. 1. С. 75].

эстетическая, связанная с созданием образности, выразительности текста: *Айда на низ огорода. Тут у меня картошка растёт А промеж картош-*

¹ В угловые скобки заключены слова, семантизация которых не отражена в мотивационной форме слова.

ки подсолнухов натыкала. Как зацветут, так по всему огороду будто солнышки прыгают [СФ. Т. 2. С. 90]. Берёза ведь нянька еловая. На прошлогодней гари уже есть малютки, а недавно вечером шла лесом, быстро темнело, но берёзки, как фонарики, дорогу мне освещали. Кора-то в темноте так и светится. И не страшно совсем [СФ. Т. 1. С. 35];

эксплицитная, связанная с выражением фигур речи: приёма кольца (Кудрявец растёт, он жёлтым цветёт, и листики кудрявые, где лопух[и] растут, там и кудрявец [СФ. Т. 1. С. 76];

приёма оживления ВФС (Горцвет растёт, или стародубка. Он весной цветёт с огоньками. Вон прям как горит, яркий такой [СФ. Т. 1. С. 17]. У бархотки листья длинные, бархатистые. Такое-то вот скоро начнётся, вдруг руку порежешь. Мы-то её сорвём, потрём в руке, она как бархат становится [СФ. Т. 2. С. 47]);

приёма олицетворения: Эта называется ночная красавица. Она белым цветёт и только вечером, а на ночь она закрывается. Вот ночная красавица и называется. Очень красивая [СФ. Т. 2. С. 60]; ещё примеры: алёнка и недотрога ‘бальзамин’, белоглазка, синеглазка – сорта картофеля, боярышник, выскочка ‘зефирантес’, ворчун ‘донник’, доктор ‘алоэ’, дружная семейка, казак и казачок ‘горечавка’, княжик, краснопузик, купчиха ‘бальзамин’, мать-мачеха, невеста ‘ромашка’, ноготки ‘календула’, толстяк ‘белый гриб’ и др.;

приёма зооморфизма: «Барашки желтоватыми сапожками [цветут], а листики такие курчавенькие». «Цветки потому барашками называются, что они кудрявенькие» [СФ. Т. 2. С. 77]; зооморфные фитонимы составляют заметную часть наименований флоры: бычок ‘валуй’, волчанка ‘волчник’, ежевика, журавлиха ‘клюква’, змеевик ‘горец’, козелец ‘козлобородник’, козлятник ‘володушка’, коровник ‘жабрей’, крылатник ‘копеечник’, копытник ‘копытень’, коготки ‘календула’, кукушник ‘ирис’, куриная слепота ‘белена’, лисички ‘грибы’, лягушка ‘бегония’, лягушник ‘калужница’, собачка ‘гравилат’, свинуха ‘гречица’ и др.;

приёма фитоморфизма: Лист заячьей капусты на капусту походит [СФ. Т. 2. С. 71]. Овсяк есть. Так и называцца. Он как овёс. [СФ. Т. 2. С. 62]. А вот ещё кустики «гороховник» называется. Вот он... возле линии много её растёт, в садиках вот. Но это по местному [говору], а так вроде акация или как, а по-местному – гороховник зовут. Вот потом горошки на ней вырастут [СФ. Т. 1. С. 19]; другие примеры: горошек ‘вязиль’, берёзка ‘вьюнок’, ёлка и мошок ‘аспарагус’, грушанка ‘зимолоубка’, картошка ‘ахименес’ и ‘георгин’, морковка ‘вёх’, морковник ‘купырь’, луковица ‘амариллис’, луковка ‘зефирантес’, стародубка ‘адонис’, кративка ‘вероника длиннолистная’, травянка ‘гвоздика’, сирень ‘барвинок’ и под.

Кроме вышеназванных приёмов олицетворения, зооморфизма, фитоморфизма, в реализации которых использованы носителями диалектов наименования соответственно человека, животных, растений, в сфере фитонимов отражены наименования натурфактов, воплотивших образы природы, – ветра, воды, снега, солнца, зари, звёзд и т.д.: ветреница, водяника, подснежник, солнечник ‘девясил’, подсолнух, заряночка ‘крестовник’, звёздочка ‘звездчатка’, огонёк ‘купальница’, болотник ‘калужница’, наименования артефактов:

бубенчик и колокольчик ‘травянистое растение бубенчик’, кувшинка, башмачок, три дублета имеет жёлтая кувшинка – кубышка, лагунок, чугуночка и т.д.

В наименованиях растений, выраженных двусоставными номинациями, сочетаются приёмы зооморфизма и фитоморфизма: кошачий горох ‘астргал’, мышинный горох и мышья репка ‘то же’, заячья капуста и заячья трава ‘кислица’, мышья репка ‘клевер’; названия зоонимов и артефактов: кукушкины сапожки ‘башмачок пёстрый’, кукушкины серёжки и кукушкины лапти ‘ирис’, кукушкин ручнойничек ‘башмачок настоящий’, кукушкины башмачки ‘борец вьющийся’.

При выявлении функций мотивационно связанных пар и цепочек обращает на себя внимание явление полифункциональности: один и тот же текст / метатекст нередко одновременно характеризуется двумя и более функциями.

5. СФ обладает высокой степенью информативности для лексикографического аспекта диалектной мотивологии, прежде всего как источник составления толкового мотивационного словаря. Обилие текстов и метатекстов, содержащихся в СФ и отражающих сведения об осознании мотивировки слов носителями среднеобских говоров, – необходимое условие для составления мотивационных словарей.

Классическая структура мотивационных словарей толкового типа включает зону заглавного слова с толкованием его значения, зону мотивирующих его единиц (лексические и структурные мотиваторы) и зону иллюстративную [8. С. 276–288; 9. Т. 1. С. 6–15; 11].

Для всех зон словарной статьи мотивационного словаря фитонимов (и не только) в анализируемом источнике содержится богатый материал: для толкования заглавного слова с включением мотивирующих лексем, для представления лексических мотиваторов (ЛМ), отражающих мотивировочный признак заглавного слова, и структурных мотиваторов (СМ), выражающих классификационный признак заглавного слова, для иллюстративной зоны, с предъявлением текстов и метатекстов, отражающих актуализацию отношений лексической и структурной мотивации. Далее предлагаются образцы словарных статей для мотивационного словаря фитонимов среднеобской группировки и словаря Вершининского говора (говора с. Вершино Томского района Томской области), иллюстративную часть которого завершает локальная помета *Том. Верш., Том. Яр., Том. Бат.*

БАГУЛЬНИК, м. Кустарник, источающий одуряющий запах.

СМ: блошник, клоповник ‘то же’.

– *Багульник еще от клопов, и польни боятся клопы. «Клоповник» её звали, блошник ещё звали (Том. Верш.). Багульник ещё блошник... «Багульник приятно называть. А «блошник» вроде как от блох. Вместо нафталина клал* (Том. Яр.) [СФ. Т. 1. С. 25].

БЕЛОГОЛОВНИК, м. Травянистое растение лабазник, с белыми метельчатыми соцветиями.

ЛМ: белый ‘цвета молока’, голова (головка) ‘соцветие’, белоголовка.

СМ: лабазник, медовульник, паринник ‘то же’.

– *Белоголовник запашистый, бела голова, чай с его, в чаю нравится* (Шег. Карг.¹). *Ну, это белоголовник – белая голова* (Том. Н. Ишт.). *Белоголовник есть. Белым цветёт* (Том. Н.-Рожд.). *Есть ещё белым цветёт. Высокий такой, белоголовник. Это вот у нас лес, и там было всё, и там болото это. И там это белоголовника полно, прям белым, белым всё* (Мар. Мар.). *Белоголовник есть, высокий, белыми головками цветёт. Его ещё Иван-чай называют, чай с его пьют* (Яйск. Кайла). *Белоголовник, всё медовульником кличут* (Крив. Перш.). *Белоголовник звали у нас паринник. Его у нас раньше сушили, перетирали цветочки и детям присыпали от опрелости* (Том. Ит.) [СФ. Т. 2. С. 18–20].

БЫЧКИ, мн., ед. БЫЧОК, м. Грибы валуи.

СМ: валунки, лисички, рыжики – названия грибов.

Рыжики, грузди, бычки, растут всяки, а берут эти. Лисички, оята хороши, жарить – вкусно <...> Бычки, валунки – вот таки у них шляпочки (Том. Верш.) *Бычки хороши таки, розовы, ешио зовут валунки* (Том. Верш.) [СФ. Т. 1. С. 46].

ЛИСИЧКИ, обычно мн., ед. ЛИСИЧКА, ж. Съедобный гриб с яично-жёлтой, цвета лисы кожицей.

ЛМ: лиса и – лисичка.

СМ: бычки, белянки, волнушки, желтушки, подберёзовики, подосиновики, рыжики, синявки – названия грибов.

– *Растут у нас в лесах разные грибы. Ну, для примеру, лисички. Знаете, наверно. Рыженькие такие, как лиса. Хороший гриб! (Яшк. Полон.) Лисички по цвету рыженькие, как лисички (Яйск. Кайла). Лисички жёлтые, побольше станут, распушатся. Походят на лисичку (Том. Верш.). Оята, лисички. Лисички рыжие, как лиса. И все стройные: ножка тонюсенькая, шляпка широкая (Яшк. У.-С.). Есть синявки. Бывают мухоморы, поганы оне. Лисички у нас жёлты (Том. Н. Ишт.). Раньше часто по грибы ходили. Оята собирали, белянки, грузди, подволнушки были <...> Лисички собирали, рыжики были (Яйск. Кайла). В этом году много грибов уродилося: и белый гриб, и лисички, и подберёзовики, и подосиновики, и бычки. Да хоть чё, всяки грибы (Том. Пор.) [СФ. Т. 2. С. 28–29].*

МЕДУНКА, ж. Травянистое растение медуница.

ЛМ: мёд и – медуница, медоносный.

СМ: пучка ‘травянистое растение дудник’.

– *Медунки мы пропустили ещё. Это весенние цветы. Пчёлы с их мёд берут. Кода вырвешь этот цветочек – сладкий, сладкий. Медунки поэтому. Ели корешок, но корешок не сладкий. А ели цветок. И поэтому называли «медунки» (Том. Н.-Рожд.). Медунка растёт. Она как хамелеон разными цветами бывает: и розовым, и фиолетовым, и синим. «Медункой» зовут, потому что медоносная (Яйск. Арыш.). Медунка, как снег сходит, так она и светёт с подснежником <...> В детстве их сосали, сладки они, потому и*

¹ Список условных сокращений названий районов и сёл приведён в [2. С. 9–14].

медунка. «*Медуница*» ещё зовут (Яшк. Мох.). *Медунки* есть. Синеньки. Они сладенькие такие, мёдом пахнут (Том. Н.-Рожд.). *Медунки* – по-простонародному. Они медоносные, с их пчёлы мёд собирают (Том. Н.-Рожд.). Иванчай, белоголовник, *медуница*, подснежники, колокольчики. У *медунки* стебель сладкий. *Медунку* мы «шмелой» называли. Пучка сладкая (Том. Н. Ишт.). *Медунки* – это очень полезная трава. Вот мы её ели, как пучки. Её можно чистить, а можно и так есть (Карг. Карг.). [СФ. Т. 2. С. 47–48].

РЬЖИКИ, мн., ед. РЬЖИК, м. Грибы с рыжей шляпкой.

ЛМ: рыженький.

СМ: белянки, бычки, волнушки, лисички, масленники, подосиновики, названия грибов.

– *Рыжики* есть, *рыженьки* такие, *красненьки* (Том. Яр.). Грибы тоже ели: *маслята*, *грузди*, *рыжики*, *опята*, *лисички*. Их много. (Том. Яр.). Белья грибы [собирали], *рыжики*, *опята*, *масляты*, *волнушки*, *белянки*, *лисички*, *бычки* (Том. Яр.). А грибы? *Рыжики*, первым делом, *грузди*, *белый гриб*, *масленники*, *волнушки* и... ну, съедобные грибы *лисички* (Том. Яр.). Нет, вот эти вот три гриба: *волнушка*, *рыжик*, *белянка* – вот эти похожи. А *лисички* – нет. (Том. Яр.) [СФ. Т. 2. С. 115]. Потом *маслята* идут, *подосиновики*, *опята*, *волнушки*, *рыжики*, *грузди*. (Том. Бат.) [СФ. Т. 1. С. 32].

РЯБИНА¹, ж. Дерево с оранжево-красными ягодами, пёстрой («рябой») окраской осенних листьев.

ЛМ: рябой (рябый).

СМ: калина – дерево.

– *Сосны*, *кедрач*, *пихтач*, *ёлка*, *черёмуха*, *калина*, вот бывает *рябина*, *боярка*, её едят, и сушат, и толкут (Том. Яр.). *Лиственница*, *рябина*, *калина* – всё дерево (Том. Яр.) *Рябина* может быть [называется] от листа: лист *рябый* (Том. Яр.) *Рябина?* Кто его знает, вроде от листа, что *рябый* (Том. Яр.) [СФ. Т. 2. С. 115].

РЯБИНА², ж. Оранжево-красные ягоды рябины.

СМ: калина, малина, смородина – названия ягод.

– Ягоды: *смородина*, *земляника*, *клубника*, *черёмуха*, *рябина*, *калина* бывает (Том. Яр.). Есть *калина* красна, *рябина* красна, есть *костяника*, *брусника* (Том. Бат.). *Смородина*, *черёмуха*, *калина*, *рябина*, *черника* есть (Том. Яр.) [СФ. Т. 2. С. 115].

СТАРОДУБКА, ж. Травянистое растение Адонис (горичвет) весенний.

СМ: черногорка ‘то же’.

– Растёт ещё ядовитая трава, но полезная. Называют её люди по-разному: *запарная трава*, *черногорка*, *стародубка*. А научное название у этой травы Адонис весенний (Том. Верш.). [СФ. Т. 1. С. 18].

Рассмотренные информативные возможности СФ для диалектной мотивологии не являются исчерпывающими. Они составят предмет последующего анализа.

Литература

1. Блинова О.И. Мотивационно связанные слова как объект диалектной мотивологии // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология / Под ред. Е.Н. Шабровой, С.А. Мызникова. С.-Петербург: Наука; Вологда: ВГПУ «Русь», 2007.
2. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / Ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. Т. 1: А–К; 2007. Т. 2: Л–Т.
3. Труды Томской диалектологической школы: Библиографический указатель / Сост. О.И. Блинова, К.В. Гарганеева, А.С. Филатова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 142 с.
4. Калиткина Г.В. Рец.: Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2007. № 1.
5. Блинова О.И. Носители диалекта о своём диалекте: Об одном из источников лексикологического исследования // Сибирские русские говоры. Томск, 1984.
6. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 194 с.
7. Николаева Т.М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.
8. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 394 с.
9. Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья / Под ред. О.И. Блиновой. Томск, 1982. Т. 1: А–О. 268 с.
10. Гарганеева К.В. Мотивационный словарь детской речи / Ред. О.И. Блинова. Томск, 2007. 122 с.
11. Блинова О.И. Проект «Мотивационного словаря сибирского говора» // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов, 2005.